

*Всем отдавшим жизнь
в борьбе с гитлеризмом посвящается*

НИКОЛАЙ ВЛАСОВ

НЕМЦЫ
ПОСЛЕ
ВОЙНЫ

Как Западной Германии
удалось преодолеть
нацизм

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2025

УДК 94(430)"1945/..."
ББК 63.3(4Гем)63
В58

Редактор НАТАЛЬЯ НАРЦИССОВА

Власов Н.

В58 Немцы после войны: Как Западной Германии удалось преодолеть нацизм / Николай Власов. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 326 с.

ISBN 978-5-00223-486-8

Как случилось, что вроде бы цивилизованная нация за 30 лет развязала две мировые войны и докатилась до нацистского варварства? Смогут ли немцы исправиться, стать свободными, будут ли безопасны для соседей — или навеки обречены идти своим «особым путем», выбирать диктаторов, затевать конфликты? Такими вопросами задавались европейцы и американцы в середине 1940-х годов. Многие считали приход Гитлера к власти и внешнюю агрессию со стороны Германии неизбежными, объясняли самой природой немцев, их национальным характером. Но Федеративная Республика Германия, построенная на обломках Третьего рейха, стала спокойным демократическим государством, безопасным и для своих граждан, и для соседей. Что стояло за этой метаморфозой? Как произошла трансформация целой нации? На эти вопросы отвечает историк Николай Власов. Его книга посвящена в первую очередь обычным людям и рассказывает о событиях, повлиявших на условия жизни западных немцев и в итоге позволивших Германии отказаться от идей диктатуры и национального превосходства.

УДК 94(430)"1945/..."
ББК 63.3(4Гем)63

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-486-8

© Н. Власов, 2024
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ 7

ЧАСТЬ 1 ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ

ГЛАВА 1

«Час ноль» 17

ГЛАВА 2

Наказание 38

ГЛАВА 3

«Нюрнберг маленького человека» 77

ГЛАВА 4

«Перевоспитание» 100

ГЛАВА 5

«Сначала жратва, потом мораль» 131

ГЛАВА 6

«Патриоты немецкой марки» 172

ЧАСТЬ 2

ВРЕМЯ РЕСПУБЛИКИ

ГЛАВА 7

Курс на интеграцию 199

ГЛАВА 8

Преимственность элит 230

ГЛАВА 9

Угроза справа 263

ГЛАВА 10

Под сенью «экономического чуда» 281

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПОЧЕМУ БОНН НЕ СТАЛ ВЕЙМАРОМ? 307

ПРИМЕЧАНИЯ 315

БИБЛИОГРАФИЯ 323

К ЧИТАТЕЛЮ

«Неизлечима ли Германия?» Книга под таким названием вышла в США в 1943 г. Она была одной из многих, ведь шла война, и вопросы стояли ребром: как случилось, что вроде бы цивилизованная нация за 30 лет развязала два крупнейших мировых конфликта и докатилась до нацистского варварства? Смогут ли немцы исправиться, стать свободными, и будут ли они безопасны для соседей — или навек обречены идти своим «особым путем», выбирать себе диктаторов, начинать войны?

Многие придерживались пессимистической версии. «Немцы попробуют снова» — заголовок еще одной книги тех лет говорит сам за себя. Приход Гитлера к власти и внешнюю агрессию считали неизбежными, объясняли самой природой немцев, их национальным характером, который очень сложно, практически невозможно изменить.

Но прогнозы не сбылись. Федеративная Республика Германия, построенная на обломках Третьего рейха, стала спокойным демократическим государством, вполне безопасным как для своих граждан, так и для соседей. И спустя всего полвека после Второй мировой войны сам вопрос о том, является ли Германия частью европейской цивилизации или движется каким-то «особым путем», мог вызвать лишь недоумение.

Как и почему произошла эта трансформация? Ведь для масштабных изменений в государстве недостаточно написать хорошие законы или создать новые органы власти. Если общество не принимает правила игры, то законы остаются мертвой буквой, а институты влачат жалкое существование либо оказываются сметены кризисом, как было в Веймарской республике. Поэтому метаморфоза, произошедшая в середине XX в. с немецким обществом, — самое интересное, важное и одновременно загадочное в истории становления современной Германии.

Германская история издавна вызывает в России большой интерес — возможно, в силу близкого соседства в Европе, возможно, благодаря долгой истории общения двух народов с ее порой светлыми, порой трагическими страницами. Сегодня в распоряжении читателя, желающего познакомиться с немецким прошлым, есть много книг на русском языке, в том числе очень хороших. К сожалению, разные сюжеты германской истории освещены в них далеко не равномерно. По понятным причинам внимание историков и публицистов особенно привлекает период Третьего рейха, которому посвящены десятки, если не сотни изданий — как написанных российскими авторами, так и переводных. При желании легко найти не столь многочисленные, но весьма качественные работы о Веймарской республике, с которой у нас так любили сравнивать Россию 1990-х, или о событиях, связанных с двумя объединениями Германии, — 1871 и 1990 гг.

На этом фоне белым пятном выглядит история послевоенной Западной Германии. Несколько коротких общих обзоров, две биографии Конрада Аденауэра да горстка узкоспециальных монографий, рассчитанных на академическую аудиторию, — вот почти все, что было опубликовано за последние четверть века на русском языке. Между тем интерес к этому

периоду германской истории в российском обществе только растет, о чем свидетельствует успех замечательной книги Харальда Йенера «Волчье время»¹, посвященной как раз первому послевоенному десятилетию.

Дефицит знания неизбежно порождает мифы. Сплошь и рядом даже в беседах с хорошо образованными людьми приходится сталкиваться со множеством ошибочных представлений о послевоенной Германии. Описывать всю коллекцию популярных заблуждений было бы слишком утомительно, поэтому остановлюсь на четырех главных мифах.

Первый миф — о так называемом часе ноль. Согласно ему, поражение и крушение Третьего рейха привело к тому, что немцы прозрели, одумались и осознали, в каком страшном деле они участвовали и какую беду на себя навлекли. А осознав, отринули былое мировоззрение, немедленно стали искренними демократами и начали жизнь с чистого листа.

Второй можно условно назвать мифом о «перевоспитании». Согласно этой версии событий, немцы на самом деле оказались совершенно неспособны к работе над собой. То, что они живут в демократической стране, — заслуга победителей. Именно оккупационные державы наказывали, учили и направляли и в итоге кнутом и пряником смогли-таки исправить немцев, как строгий наставник — нерадивого подростка.

По третьему мифу, немцы все же проделали основную работу сами. Причем главным в этой работе было покаяние, осознание и преодоление собственного кровавого прошлого. Только до конца разобравшись со своими преступлениями и признав коллективную вину, они смогли построить благополучное и стабильное общество. Без проработки прошлого никакой демократии у них и близко не получилось бы.

Наконец, четвертый миф, уходящий корнями еще в восточногерманскую риторику времен холодной войны,

гласит, что никакого «перевоспитания» на самом деле не произошло. ФРГ оказалась продолжением Третьего рейха, государством бывших нацистов, просто немцы научились вести себя умнее и осторожнее, чтобы на их головы не посыпались снова бомбы. Своеобразной вариацией этого мифа можно считать широко распространенный тезис о провале денацификации в западных оккупационных зонах — в данном случае стрелки переводят уже на победителей, которые, дескать, не особенно-то хотели кого бы то ни было наказывать и потому смотрели на былые преступления сквозь пальцы.

Как часто бывает, каждый из этих мифов возник не на пустом месте. Однако все они серьезно искажают реальное положение дел. Мы все понимаем, что любой распространенный миф рождается в качестве ответа на популярный запрос. Он появляется на свет, потому что люди хотят слышать простое объяснение, соответствующее их взглядам. Легко увидеть, что в центре каждого из мифов находится один и тот же вопрос. В самом простом и даже примитивном виде его можно сформулировать так: «Как и почему немцы перестали быть нацистами?» Именно об этом пойдет речь в книге.

Нужно сразу подчеркнуть: в фокусе моего внимания не находится в данном случае ни политика (включая международную), ни экономика. Безусловно, и о том и о другом на страницах книги будет говориться — просто потому, что и политические процессы, и экономическое развитие оказывают большое влияние на состояние и настроение общества. Но эта книга — в первую очередь о простых людях. Поэтому особое внимание в ней будет уделено мерам по «перевоспитанию» населения (принимавшимся как оккупационными властями, так и правящей элитой ФРГ), а также тем событиям и явлениям, которые непосредственно влияли на условия и уровень жизни рядовых западных немцев.

Временной отрезок, который охватывает книга, — первое послевоенное десятилетие, с окончания Второй мировой войны до середины 1950-х гг. Это, безусловно, не означает, что трансформация западногерманского общества полностью завершилась к 1955 г. Разумеется, потребовался куда более долгий срок; по мнению многих исследователей, о полноценном демократическом обществе в ФРГ можно было говорить в лучшем случае в конце 1960-х, а то и позже. Однако ко второй половине 1950-х развитие в этом направлении приняло стабильный, устойчивый и, вероятно, необратимый характер; все самое главное уже случилось.

И еще несколько важных замечаний. Во-первых, говоря об обществе, мы слишком часто представляем его в качестве единого целого, своего рода «сверхличности», отдельные «клетки» которой думают и чувствуют одинаково. «Общество хотело», «общество оказалось не готово», «общество надеялось»... Часто мы сами не отдаем себе в этом отчет; наш мозг любит подсознательные обобщения, поскольку они упрощают работу. Но видеть общество однородной массой — крайне грубое и зачастую совершенно неоправданное упрощение. Общество состоит из людей, индивидов с различными взглядами, убеждениями, жизненными позициями, которые по-разному воспринимают одну и ту же реальность и реагируют на события. От обобщений нам, конечно, уйти не удастся. Но обобщать нужно осознанно и крайне осторожно, оперируя такими словосочетаниями, как «в обществе были широко распространены взгляды», «в обществе усиливались настроения», «большинство придерживалось точки зрения», и неизменно помня о том, что очень многие в это же время имели совершенно иные, часто противоположные взгляды и настроения.

Во-вторых, изучать общество — непростая задача. Если политические решения, как правило, отражены в официальных

(пусть даже до поры секретных) документах, а экономические показатели зафиксированы статистическими ведомствами, то с мыслями и чувствами людей все намного сложнее. Источники, на которые вынуждены опираться исследователи, очевидно имеют ряд недостатков. Опросы общественного мнения, в силу «магии цифр» зачастую воспринимаемые как максимально точное отражение массовых настроений, не всегда могут считаться надежным инструментом. По мнению ряда авторитетных ученых, они на самом деле не дают объективной информации о чувствах и желаниях общества. Кроме того, цифры далеко не всегда говорят сами за себя. К примеру, мы знаем, что в начале 1950-х больше трети западных немцев считали период 1933–1939 гг. лучшим временем в германской истории. Как воспринимать эти данные? Много это или мало? Означают ли они, что эти люди действительно хотели вернуться в Третий рейх и были враждебно настроены к демократии? Нужна интерпретация, которая тоже может вызывать споры.

Другой источник — мемуары — привлекает возможностью погрузиться в прошлое, увидеть его глазами современника. Чем выше их художественная ценность, чем ярче и образнее язык, тем более сильное впечатление они производят на читателя. Но нельзя забывать, что мемуары всегда очень субъективны, отражают точку зрения конкретного человека, и любое событие может предстать в воспоминаниях двух людей в очень разном виде. То же самое касается и других источников личного происхождения: писем, дневников, анкет... Они рассказывают нам не столько о том, что происходило вокруг их автора, сколько о нем самом, его чувствах, ожиданиях, умозаключениях.

В-третьих, эта книга совершенно не затрагивает советскую оккупационную зону, на территории которой в 1949 г. была

образована Германская Демократическая Республика. Здесь, конечно же, происходили не менее важные и интересные процессы, однако о них нужно говорить отдельно, к тому же на русском языке есть достаточно обширная литература, посвященная послевоенной Восточной Германии.

В заключение — еще одно замечание сугубо технического характера. Книга рассчитана в первую очередь на широкую читательскую аудиторию и ни в коей мере не претендует на то, чтобы считаться полноценной академической монографией. Поэтому научный аппарат (сноски) в ней сведен к минимуму, а в списке литературы перечислены лишь наиболее важные работы, которые можно смело порекомендовать тем, кто захочет углубиться в изучение послевоенной Западной Германии.

Автор также выражает благодарность всем, кто принял участие в обсуждении этой книги, отдельных ее идей и фрагментов в течение 2022–2024 гг. Естественно, ответственность за все возможные ошибки, допущенные в тексте, несет исключительно автор.

ЧАСТЬ 1

ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ

ГЛАВА 1

«ЧАС НОЛЬ»

По сей день приходится иногда встречать представление, будто все немцы поддерживали Гитлера. Ну, за исключением единичных борцов Сопротивления и узников концлагерей, которые погоды не делали. Логика здесь совершенно понятна: люди исходят из того, что каждый, кто не попытался лично угробить фюрера или как минимум не вышел на главную площадь своего города с табличкой «Гитлер капут», горячо симпатизировал нацистам. Склонность нашего мозга к простым схемам (пусть даже далеким от реальности) проявляет себя здесь во всей красе.

Однако на поверку выясняется, что такая оптика безнадежно искажает реальность. Не углубляясь в тему отношения немцев к нацизму — она заслуживает отдельной книги, — стоит отметить, что форм дистанцирования от режима или скрытого противостояния ему имелось в Третьем рейхе великое множество. Поскольку любое активное индивидуальное действие было изначально и очевидно самоубийственным, большинство оппозиционно настроенных немцев не видели для себя иной возможности, кроме пассивного сопротивления, отстранения и неучастия. Кто-то из них уходил во внутреннюю эмиграцию, стараясь максимально отгородиться

от реальности. Кто-то слушал британское радио и пересказывал услышанное тем немногим, кому мог доверять. Кто-то помогал евреям. Кто-то увольнялся с высокой должности, чтобы не вступать в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). Кто-то с той же целью шел добровольцем в вермахт: почти до самого конца Третьего рейха армия считалась своего рода идеологическим «островом свободы», неподконтрольным нацистам...

Все эти формы сопротивления и неучастия могут показаться смешными и несерьезными — человеку, который сам не имеет опыта жизни в условиях репрессивной диктатуры. В Третьем рейхе требовалось определенное мужество даже для того, чтобы сказать «Добрый день!» вместо официально положенного «немецкого приветствия» или рассказать политический анекдот. А таких анекдотов — их метко называли «флюстервитце» («шутки, рассказанные шепотом») — в Третьем рейхе было огромное количество. «В бункер, где сидят Гитлер, Геббельс и Геринг, попадает бомба. Кто спасется? — Германия»... «Завтрашние выборы отменяются: неизвестные украли из кабинета Геббельса результаты выборов на ближайшие десять лет вперед»... «В христианстве один умер за всех — в национал-социализме будет наоборот»...

Конечно, для разных людей риски попасть в лапы гестапо тоже были разными. Бывшие коммунисты и социал-демократы — те, кого изначально подозревали в нелояльности, — оставались в самом тяжелом положении, за каждым их шагом следили и хватали их при малейшем поводе. Обычный гражданин, ничем не привлекавший внимание карательных органов, мог чувствовать себя несколько свободнее: для него риск попасться при прослушивании «вражьих голосов» или перемывании косточек Герингу был гораздо ниже. Однако этот риск все равно существовал и, как обычно в таких ситуациях,

был связан в первую очередь с доносами. Исследования показали, что примерно четверть доносов писалась по идейным, а три четверти — по бытовым соображениям (личная месть, неприязнь, желание подсидеть начальника и так далее). В итоге репрессии получались скорее точечными: посадить всех рассказчиков анекдотов не было ни возможности, ни особого смысла, однако знание о том, что кто-то попал в гестапо из-за слишком громко звучавшего радиоприемника, явно влияло на общие настроения.

Активное Сопротивление тоже существовало. После войны наибольшую известность получили участники так называемого заговора 20 июля — их удостоили почетного звания «немецкие патриоты» — и мюнхенская студенческая группа «Белая роза». Первые привлекали внимание, поскольку предприняли наиболее громкую и энергичную попытку устранить Гитлера, вторые — в силу своей юности, чистоты и идеализма. Но на самом деле наиболее масштабным и энергичным в Третьем рейхе было коммунистическое Сопротивление, о котором в послевоенной ФРГ по понятным причинам предпочли забыть. Коммунисты с самого начала вели против режима борьбу не на жизнь, а на смерть и понесли в этой борьбе тяжелейшие потери. Хотя к 1935 г. централизованное коммунистическое Сопротивление оказалось, по сути, разгромлено, отдельные группы продолжали борьбу и в дальнейшем, в том числе за колючей проволокой гитлеровских концлагерей.

Большинство же из тех, кому режим изначально не нравился, предпочитали сидеть тихо и даже демонстрировать внешнюю лояльность. Они считали, что все равно ничего не смогут изменить и остается только дожидаться какого-нибудь спасительного чуда. Тем более что геббельсовская пропагандистская машина весьма умело создавала образ единения

народа вокруг вождя, заставляя многих противников нацизма чувствовать себя ничтожным меньшинством, жалкими отщепенцами, которые противостоят общенародной воле и у которых поэтому нет никаких шансов. Действительно, что мог сделать один человек после того, как в 1933 г. огромные политические партии и многомиллионные профсоюзы тихо и без боя сошли со сцены?

Мы не знаем — и, скорее всего, уже никогда не узнаем, — какой процент взрослого населения нацистской Германии искренне поддерживал режим и как этот процент менялся со временем. Есть только определенный консенсус по поводу того, что большинство немцев все-таки были сторонниками Гитлера (хотя одновременно могли быть противниками конкретных государственных практик), да самые общие предположения относительно того, что в 1930-е гг. уровень поддержки рос, а ближе к концу войны, наоборот, стал снижаться. Действительно, когда с Восточного фронта начали пачками приходить похоронки, а на головы горожан дождем посыпались бомбы, реалии Третьего рейха стали нравиться многим куда меньше. Мы также не знаем, сколько немцев были убежденными нацистами, сколько поддерживало режим из чистого конформизма и оппортунизма и скольким было в принципе все равно, кто там у власти, потому что эту самую власть они воспринимали как нечто далекое и совершенно им неподвластное, вроде дождя или заморозков. В любом обществе и во все времена хватает и конформистов, и тех, кто искренне не интересуется ничем за пределами своего маленького частного мирка. Бывали и такие ситуации, когда человеку очень не нравились нацисты, но он считал необходимым из всех сил сражаться за Германию: дескать, сначала победим, а потом разберемся. Распространенной была фраза «Если бы фюрер знал!» — немецкая версия старинной байки про «добротого царя»

и «скверных бояр», которые-де и творят все плохое за спиной властителя.

Почти сразу же после разгрома Третьего рейха американские оккупационные власти провели опросы, показавшие, что подавляющее большинство граждан Германии к концу Второй мировой войны разочаровалось в нацизме. Но относиться к этим данным всерьез довольно сложно: привыкшие за 12 лет скрывать свое мнение и демонстрацией внешней лояльности уходить от репрессий, многие немцы, скорее всего, говорили то, что, как им казалось, хотели слышать победители. Так, только каждый восьмой утверждал, что доверял Гитлеру до самого конца войны, а половина заявляла, что не доверяла нацистскому лидеру никогда (35 процентов) либо утратила доверие к нему в 1939 г. (15 процентов). Более или менее надежные данные (и то с оговорками) предоставляют только опросы, проводившиеся немецкими исследовательскими институтами в конце 1940-х гг., когда страх наказания за «неугодный» ответ ушел в прошлое.

В первые недели после войны желание отгородиться от разгромленного режима было всеобщим: немцы страшились наказания за преступления нацистов. Американская журналистка Марта Гельхорн так описывала настроения местных жителей в своем репортаже из Германии в апреле 1945 г.:

Нацистов здесь нет, и никто никогда ими не был. Несколько нацистов, возможно, жили в соседней деревне, а уж тот город в двадцати километрах отсюда был настоящим рассадником нацизма. По правде, здесь куча тайных коммунистов. О нас всегда говорили как об очень красных. Ах, евреи? Ну, в здешних местах их всегда было немного. Может, два, может, полдюжины. Их всех увезли. Я сам шесть недель укрывал еврея (я укрывал еврея, он укрывал

еврея, все вокруг укрывали евреев). Мы ничего не имеем против евреев, мы всегда с ними отлично ладили. Мы давно ждем американцев. Вы пришли и освободили нас. Вы пришли как наши друзья. Нацисты — свиньи. Солдаты вермахта хотят сдаться, но не знают как. Нет, у меня нет родных в армии. И у меня нет. Нет, я никогда не был в армии. Я работал в поле. Я работал на заводе. И тот парень не был в армии, он больной. Мы сыты по горло этим правительством. Ах, как мы страдали! Эти бомбы... Мы неделями жили в подвалах. Мы отказались уходить за Рейн, когда СС хотели нас эвакуировать. Зачем нам уходить? Мы рады американцам. Мы не боимся их, у нас нет причин бояться. Мы не сделали ничего плохого, мы не нацисты.

Кажется, это стоит положить на музыку. Немцы могли бы рефреном петь эти слова, что сделало бы их только краше. Они все говорят именно так. Невольно спрашиваешь себя, как столь презируемые нацисты, которых якобы никто не поддерживал, смогли воевать пять с половиной лет. Если им верить, ни один мужчина, женщина или ребенок в Германии ни на мгновение не одобрял эту войну. Мы стоим с безразличным и презрительным видом и слушаем эту историю без всякой симпатии и уж точно без уважения. Видеть целую нацию, которая уклоняется от ответственности, — не слишком приятный спектакль¹.

Многие немцы постарались как можно скорее забыть свой собственный энтузиазм и готовность подчиняться режиму. При приближении войск антигитлеровской коалиции они поспешно избавлялись от всей нацистской символики. На стенах квартир появились светлые прямоугольники — там, где до этого долгие годы висел портрет фюрера. Люди поспешно закапывали униформу, партийные документы, знаки различия...

Другие, напротив, сразу же спешили проинформировать победителей о затаившихся нацистах. Спектр мотивов такого поведения был очень широк: от искреннего благородного желания не дать преступнику уйти от наказания до сведения старых счетов. Масштабы оказались впечатляющими. В первый же день оккупации Аахена американцы получили 36 доносов от местных жителей. Британский офицер, занимавшийся сбором информации в Гамбурге, вспоминал: «Процесс разоблачения нацистов не прекращался. Свидетельств была масса, даже с избытком... Как только люди узнали, что я говорю на немецком, меня затопили информацией»². Любопытно, что среди «добровольных» информаторов оказалось немало бывших нацистов, которые при помощи активного сотрудничества с победителями стремились уйти от наказания.

Справедливости ради нельзя не упомянуть, что в конфликт с режимом многие немцы вступили еще до того, как оказались надежно отделены от него линией фронта. В последние недели войны наблюдалась на первый взгляд парадоксальная картина: в то время как солдаты вермахта продолжали отчаянно сражаться, гражданские сплошь и рядом думали о том, чтобы боевые действия обошли их стороной. Большинство прекрасно понимало, что война проиграна, и совершенно не горело желанием гибнуть вместе с режимом. Приказы нацистской верхушки об отчаянном сопротивлении до последнего, о «выжженной земле» повсеместно игнорировались. Инициативные группы горожан вступали в переговоры с местными властями и офицерами вермахта, уговаривая их сдать населенный пункт без боя, самостоятельно разбирали противотанковые заграждения, вывешивали белые флаги...

Все это было довольно рискованно, учитывая, что в стране еще оставалось немало нацистских фанатиков. Известны

случаи, когда немецкая артиллерия открывала огонь по домам, над которыми поднимался белый флаг. 27–28 апреля группа Сопротивления «Баварское свободное действие» попыталась организовать восстание; ей удалось даже на несколько часов захватить мюнхенскую радиостанцию и передать в эфир призыв к окончанию войны и аресту нацистских функционеров. Восстание было быстро подавлено, несколько десятков человек расстреляно. В эти же дни в баварском Ансбахе 19-летний студент Роберт Лимперт начал распространять листовки с призывами сдать город без боя. Затем он храбро отправился в городскую ратушу и смог убедить бургомистра отказаться от бессмысленного сопротивления. Горожане ликовали, узнав об этом. Однако комендант Ансбаха отменил уже отданные распоряжения, приказал схватить и повесить Лимперта. А буквально через несколько часов в город вошли американские войска.

Роберт Лимперт был убежденным противником нацизма, однако в большинстве подобных случаев речь шла не об идейной борьбе с режимом, а об элементарном нежелании погибать под руинами тысячелетнего рейха. Тем не менее поражение нацистов сразу же позволило поднять голову тем, кто все последние годы тайно ждал крушения гитлеровского государства. По всей Германии сразу же после отступления вермахта начали появляться антифашистские комитеты. Довольно пестрые по своему составу — коммунисты, социал-демократы, церковные деятели, консервативные противники нацизма, — они стремились как можно скорее поквитаться с гитлеровцами и приступить к строительству новой Германии. Переоценивать размах этого движения, однако, не стоит, и значительной роли в послевоенной судьбе страны антифашистские комитеты не сыграли. Одновременно в разных городах начали формироваться группы активистов, стремившиеся

к созданию новых или воссозданию старых политических партий. Правда, на первых порах им пришлось ограничиться дискуссиями: любая политическая деятельность была запрещена победителями.

Такие люди представляли собой меньшинство. А что же остальные? Если верить воспоминаниям непосредственных участников событий, большинство немцев в мае 1945 г. испытывали главным образом облегчение от того, что война завершилась, и обиду на национал-социалистическое государство, не сумевшее выполнить собственных обещаний. Один из молодых солдат вермахта, попавший в плен в самом конце войны, вспоминал: все его сослуживцы были «рады и счастливы как минимум тому, что бедствие закончилось», но в то же время «безгранично разочарованы тем, что война проиграна, и все рухнуло у них внутри»³.

Бременский сенатор Теодор Шпитта писал, что люди чувствуют себя преданными и обманутыми прежними властителями. Однако разочарование и обида сами по себе совершенно не подразумевали ни глубокого переосмысления собственного прошлого, ни кардинального изменения базовых политических взглядов, ни стремления к созданию демократического государства. Мало кто воспринимал поражение в войне как благо, освобождение, шанс начать новую жизнь. Многих немцев мучили неопределенность, страх за собственное будущее, боязнь мести со стороны победителей. Никто не знал, чего ждать от оккупационных держав, а нацистская пропаганда последних месяцев войны только раздувала страхи, обещая немцам в случае поражения неслыханные страдания и массовую гибель.

Девятнадцатилетняя жительница маленького вестфальского городка Люденшайд писала в последние недели войны в своем дневнике:

5 апреля. Я потеряла всякую веру в победу, все кончено. Поскольку я знаю английский, я уже строю разные планы на будущее...

14 апреля. Прошел первый день под властью военной администрации. Мы можем выходить на улицу с 7 до 18 часов. Издано множество распоряжений. Почти все национал-социалистические правила отменены. Нет почты, нет поездов, нет телефона. Все члены партии должны сообщить о себе. Я мрачно смотрю в будущее; жизнь практически закончена. Сначала меня угнетала мысль о том, что я должна за все это страдать. Теперь мне ужасающе безразлично...

19 апреля. Я вообще не замечала, что под властью национал-социалистов у нас было так мало свободы. Только сейчас это до меня дошло... Мы полностью в руках врага. Что с нами будет?⁴

По Германии активно распространялись слухи о жестоким обращении с мирным населением. Подобного рода эпизоды, действительно, происходили в зоне ответственности всех армий, вступивших на территорию Третьего рейха. Убийства и изнасилования совершали и американцы, и англичане, однако чаще к ним были склонны французские солдаты: им было за что мстить немцам, поскольку их страна испытала на себе всю жестокость германской оккупации и террора. Менее серьезным и более распространенным типом инцидентов был сбор трофеев: часов, охотничьих ружей, автомобилей. Один из характерных эпизодов произошел в крупном городе в британской зоне оккупации. После окончания войны группа немцев из «хорошего общества» пригласила английских офицеров на званый ужин. Гости вели себя с безупречной вежливостью, любезно общались с хозяевами, но при прощании

попросили всех присутствующих снять и отдать им свои наручные часы.

Самой дурной репутацией пользовались солдаты из французских колоний. Безусловно, в этом играли свою роль расовые предрассудки, однако имелись и реальные основания. В секретном докладе, подготовленном для американской оккупационной администрации в июне 1945 г., перечислялось множество конкретных случаев мародерства: «В Мюнстере у Клаунинга за три приема украли все его десять кур. Он пошел жаловаться во французскую казарму. Там его побили, заставили работать и затем посадили за решетку... У мюнстерского торговца, который на грузовике вез в свой магазин овощи и яйца, французы по дороге отобрали весь груз». В одном из районов Штутгарта местный антифашистский комитет вручил французам список адресов известных нацистов с просьбой грабить только этих, а других оставить в покое⁵. Естественно, все это не шло ни в какое сравнение с теми ужасами, которые пришлось пережить в годы Второй мировой войны жителям территорий, оккупированных самими немцами.

Британский журналист Леонард Мосли весной 1945 г. писал в одном из своих репортажей:

Проезжая по Рейнской области в первые недели апреля, мы ясно видели чувства немцев. Война еще не закончилась, но все понимали, что она проиграна, и инстинктивно пытались спасти что-нибудь из руин. Здесь были нацистские чиновники, пресмыкавшиеся и заискивавшие в попытке заслужить наше расположение и спасти свои головы, свою свободу или свое рабочее место. Были богатые промышленники и дворяне-землевладельцы, у которых имелись друзья в Англии или Америке; они держались грубо и заносчиво, уверенные, что их друг Хайрам Тот или

виконт Этот выручит их из беды. Местами попадались странные группы молодежи, подростки из гитлерюгенда или Союза немецких девушек, которые вели себя строптиво, потому что их души были ранены, их горячая вера и мечты, убеждения и идеалы уничтожены теми самыми людьми, которые столь соблазнительно звали их за собой; теперь они растеряны и обозлены, потому что у них не осталось ничего. Однако основная масса людей сбросила национал-социализм как старое пальто, без грусти и сожалений. Кто-то из них в большей, а кто-то в меньшей степени сознает свою часть общей вины в поддержании режима; они полны решимости забыть его и воссоздать вместе со своими победителями все разрушенное⁶.

Худшие опасения немцев не подтвердились. Сравнительно немногочисленные эксцессы со стороны победителей были характерны для первых дней оккупации и быстро сошли на нет, в том числе благодаря достаточно жестким мерам со стороны командования союзных войск. В американской оккупационной зоне в 1945 г. по приговору военных судов расстреляли несколько десятков военнослужащих США, более сотни приговорили к длительным срокам заключения. В большинстве случаев первая встреча с победителями была вполне мирной и даже приятной. Сцена, повторяющаяся во многих воспоминаниях: по улице немецкого городка проходят первые американские танки, жители боязливо смотрят из окон домов; танки останавливаются на площади, к ним постепенно стекаются любопытные; американские солдаты высовываются из люков, не выказывая никакой враждебности и даже улыбаясь; стороны обмениваются мелкими сувенирами...

Немцы вздохнули спокойно — победители не начали масштабно и кроваво мстить. Первый страх прошел, стали

появляться оптимистические настроения: война закончилась, теперь с каждым днем будет все лучше. «Может быть, вся эта война и ее последствия окажутся для нас не такими ужасными, как мы считали раньше», — писала молодая немка в своем дневнике в последних числах апреля⁷. Молодежь, впрочем, в целом была настроена оптимистичнее — начинать с нуля легче, когда вся жизнь еще перед тобой. «Старшие смотрели на вещи мрачнее», — вспоминал граф фон Кроков, которому в 1945 г. исполнилось семнадцать⁸.

Май 1945 г. стал для германского общества весьма неоднозначным рубежом. Да, закончились бомбежки и боевые действия, вероятность погибнуть или получить увечья значительно снизилась, нацистский репрессивный аппарат прекратил свое существование, солдаты начали возвращаться домой. Однако чувство облегчения оказалось недолгим — на первый план вышли новые, куда более фундаментальные проблемы. Многие сложности только начинались и в течение следующих двух лет продолжали усугубляться.

К этим сложностям мы еще вернемся, а пока имеет смысл зафиксировать, как на моментальном фотоснимке, ситуацию первых дней и часов мирной жизни. Тот короткий эпизод, который известен как «час ноль» — новая точка отсчета после полного крушения — и овеян множеством мифов.

Образ «часа ноль» широко распространился еще в 1950-е. Метафора оказалась верной лишь в том смысле, что в мае 1945 г. были полностью уничтожены существовавшие государственные структуры Третьего рейха и строительство новых институтов происходило в большей или меньшей степени с чистого листа. После самоубийства Гитлера, взятия Берлина и безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил на севере страны, во Фленсбурге, еще две недели вело призрачное существование правительство гросс-адмирала Дёница, члены

которого тешили себя иллюзиями, что победители не смогут без них обойтись. 23 мая последние нацистские министры были наконец арестованы. Если же говорить о немецком обществе, то словосочетание «час ноль» скорее запутывает, чем проясняет ситуацию: люди, в отличие от государственных структур и организаций, никуда не делись, они остались прежними.

Миф о «часе ноль» гласит, что потрясение от разгрома заставило подавляющее большинство жителей Германии отрицать прошлое и полностью изменить свое мировоззрение. Безусловно, для определенной части немцев военное поражение стало важным импульсом, позволившим им переосмыслить отношение к национал-социализму и радикально переосмотреть собственные взгляды. Многие, прежде всего среди молодежи, пережили полное разочарование в прежних идеалах и начали мучительно искать новые ориентиры. Это в особенности касалось тех, кто встретил конец войны, находясь в плену: монотонное существование создавало благоприятные условия для глубоких раздумий.

Но такое умонастроение было характерно далеко не для всех. Более того, оставалось немало людей, считавших, что ничего всерьез не поменяется. Американский офицер, беседовавший весной 1945 г. с ключевыми фигурами немецкой химической промышленности, вынес неутешительное впечатление:

Они верят, что мы наделаем ошибок и вынуждены будем вновь поручить им руководство. Пока что они станут выжидать и смотреть на то, как мы облажаемся... Многие, если не большинство, уверены, что американский капитал незамедлительно примется за восстановление, и заявляют о готовности поставить свой труд и умения на службу этому временному господину. Они не скрывают,